



Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ө. Марксъ).

М. Е. Салтыковъ ¹⁾.

Съ Михаиломъ Евграфовичемъ у меня завязались сношенія вотъ по какому поводу. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ нашей печати, какъ это бывало періодически и раньше, усиленно обсуждался польскій вопросъ. Всѣ разсужденія публицистовъ консервативнаго и либеральнаго лагеря мнѣ казались неубѣдительными. Объяснялось это вѣроятно слѣдующимъ. Во-первыхъ, я въ дѣтствѣ росъ въ Варшавѣ, а съ одиннадцати до двадцати-трехъ лѣтняго возраста ежегодно прѣзжалъ въ Варшаву къ моему опекуну на Рождество и лѣтнія каникулы; я, слѣдовательно, былъ знакомъ съ польскою жизнью непосредственно. Во-вторыхъ, умъ у меня по-преимуществу реальный въ томъ смыслѣ, что я отъ фактовъ восхожу къ теоріи, а не наоборотъ. Поэтому и въ польскомъ вопросѣ мнѣ также хотѣлось исходить отъ самой жизни, а не отъ тѣхъ или другихъ польскихъ или русскихъ теорій. И вотъ я рѣшилъ познакомиться, такъ какъ не могъ отлучиться изъ Петербурга, съ тогдашней польскою жизнью по крайней мѣрѣ, насколько она отражается въ польской беллетристикѣ. Пришлось подучиться польскому языку, который я зналъ недостаточно, а затѣмъ я зашелъ въ петербургскій книжный магазинъ и попросилъ дать мнѣ новѣйшія польскія беллетристическія произведенія.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1912 г.

На мое несчастіе, мнѣ сперва все попадались книги, которыя меня гораздо больше знакомили съ ихъ авторами, чѣмъ съ польскою жизнью. Но вдругъ начинаю читать одну небольшую повѣсть и ужъ не могу отъ нея оторваться. Вотъ она жизнь безъ прикрасъ. Я былъ въ восторгѣ отъ повѣсти. Потомъ мнѣ подвернулись другія повѣсти, хотя и не такія сильныя, но устанавливавшія, какъ дважды два четыре, что польская жизнь удивительно похожа на русскую. А между тѣмъ наша либеральная печать, безъ всякаго видимаго результата, все толковала о польско-русскомъ сближеніи. Можетъ быть оно легче достижимо,—спрашивалъ я себя:—не на почвѣ политическихъ теорій или стремленій, а на почвѣ тѣхъ общихъ вопросовъ, которые вслѣдствіе поразительнаго сходства русской и польской жизни приходится рѣшать совмѣстно и полякамъ, и намъ русскимъ?

Отсюда до желанія познакомить русскихъ читателей съ прочитанными мною польскими беллетристическими произведеніями былъ только одинъ шагъ.

Хотя я никогда до тѣхъ поръ не занимался переводами, за исключеніемъ одного ученаго труда, я рѣшился перевести соблазвившую меня повѣсть и быстро справился съ этой работой. Она была изъ народнаго быта („Эскизы углемъ“ Сенкевича, столько разъ впослѣдствіи переведенные на русской языкъ). Кромѣ того, я для достиженія поставленной себѣ цѣли былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы повѣсть появилась въ распространенномъ и вліятельномъ органѣ. Поэтому я рѣшилъ предложить ее „Отечественнымъ Запискамъ“. Салтыковъ ее принялъ съ большою готовностью и попросилъ меня черезъ Н. К. Михайловскаго зайти въ редакцію для переговоровъ. Вотъ тутъ-то и произошла моя встрѣча съ русскимъ сатирикомъ.

Это было въ квартирѣ Г. З. Елисѣева на Надеждинской. Когда я позвонилъ, и мнѣ открыли дверь, я невольно отшатнулся,—такъ былъ ошеломленъ потокомъ ругательствъ, несшихся изъ квартиры и извергаемыхъ густымъ басомъ. Я подумалъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, и хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но лакей успокоительно мнѣ ухмылялся.

— Ничего-съ,—сказалъ онъ:—это Михаилъ Евграфовичъ.

Я все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Пожалуйте,—приглашалъ онъ меня.—Вы въ редакцію?

Ругательства продолжали нестись изъ квартиры въ ускоренномъ темпѣ и съ удвоенною силою, но лакей мнѣ такъ добродушно улыбался, что я успокоился и вошелъ. Меня провели въ гостиную, гдѣ никого не было. Вскорѣ ругательства прекратились, и въ ком.

нату вошелъ... но кто не видѣлъ портрета Салтыкова? Скажу только, что, хотя ему было въ то время только 53 г., но онъ производилъ впечатлѣніе старика. Походка у него была медленная, грузная, и онъ тяжело опустился въ кресло, пригласивъ и меня сѣсть.

— Нечего Бога гнѣвить,—сказалъ онъ, и я въ его голосѣ призналъ басъ, только что извергавшій ругательства:—вещь хорошая... очень хорошая,—прибавилъ онъ съ оттяжкой.—И читается, точно русская,—только у насъ не умѣютъ такъ писать... Чего улыбаетесь,—повысилъ онъ голосъ и вперилъ въ меня свой неподвижный взглядъ:—говорю вамъ, не умѣютъ. У насъ не пишутъ—мазилкой мажутъ, какъ волостной старшина у вашего Сенкевича.

Впослѣдствіи онъ мнѣ часто повторялъ эту фразу „у насъ не умѣютъ писать“ и неизмѣнно прибавлялъ: „въ нашихъ повѣстяхъ вдутъ съ неба какіе-то розовые дожди“, намекая на конецъ помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсти очень извѣстнаго русскаго беллетриста. Я уяснилъ себѣ только впослѣдствіи эти вѣчныя жалобы Салтыкова на нашихъ беллетристовъ: ужъ очень солено ему приходилось отъ исправленія ихъ рукописей. Онъ не поступалъ такъ, какъ поступали и поступаютъ другіе редакторы, которые просто не принимаютъ для своего удобства и съ явнымъ ущербомъ для читателя и даже для литературы рукописей, требующихъ исправленія, какъ бы онѣ по своему содержанию ни были интересны. Салтыковъ, напротивъ, зная, что форма иногда далеко не соотвѣтствуетъ содержанию, что люди съ огромною наблюдательностью и съ богатѣйшимъ матеріаломъ, почерпнутымъ прямо изъ жизни, могутъ иногда грѣшить не только противъ стилистики, но даже и противъ грамотности, считалъ прямо преступнымъ отвергать рукописи, интересныя по содержанию, но неудовлетворительныя по формѣ и подвергалъ себя тяжелому труду, вызванному любовью къ литературѣ и добросовѣстностью по отношенію къ читателю. Поэтому впослѣдствіи, получая рукописи отъ лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“, редакторы удивлялись, какъ Салтыковъ могъ принимать произведенія авторовъ, завѣдомо безграмотныхъ. При этомъ забывалось, что рукописи эти подвергались иногда полвой переработкѣ Салтыковымъ, и что даже знаменитые наши писатели находятся иногда въ большихъ неладахъ съ орфографіей, лексикологіей и синтаксисомъ.

Но возвращаюсь къ разсказу о моей первой встрѣчѣ съ Салтыковымъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ меня:—этотъ Сенкевичъ вѣстный польскій писатель?

Я отвѣтилъ ему, что, сколько я знаю, онъ еще молодой чело-
вѣкъ, написалъ пока мало и не пользуется большою извѣстностью
или симпатіей у поляковъ.

— Странно, странно,—отвѣтилъ Салтыковъ.—Большой онъ та-
лантъ! Поляки, значить, какъ и русскіе, не умѣютъ цѣнить своихъ
талантовъ.

Я возразилъ Салтыкову, что, насколько я успѣлъ познакомиться
съ поляками, они напротивъ превозносятся сверхъ мѣры своихъ
писателей, но что вѣроятно тенденція Сенкевича имъ несимпатична,
что онъ слишкомъ рѣзко осуждаетъ интеллигенцію, помѣщиковъ и
духовенство.

Салтыковъ расхохотался такъ искренно, что я удивился: этотъ
смѣхъ какъ-то странно противорѣчилъ его недавнимъ ругатель-
ствамъ и его мрачному виду.

— Да, ловко онъ ихъ отдѣлываетъ,—проговорилъ онъ сквозь
смѣхъ:—даже завидно. И нашихъ бы слѣдовало больно постегать,
нѣтъ больнѣе. У насъ что мужикъ, что помѣщикъ—порода одна, а
въ Польшѣ мужикъ, хотя и соплеменникъ, а все же порода другая—
малороссіянинъ, русинъ, что-ли...

Я рѣшился поправить Салтыкова, замѣтивъ, что мѣсто дѣйствія
повѣсти Сенкевича не австрійская, а русская Польша.

— Да, да,—прервалъ онъ меня, видимо не понявъ значенія
моей поправки—оттого-то я съ особеннымъ удовольствіемъ при-
нимаю вашу рукопись, что дѣло происходитъ въ нашей Польшѣ.

Не подлежало сомнѣнію, что Салтыковъ сваливаетъ Галицію и
русскую Польшу въ одну кучу, что онъ не знаетъ, что въ нашей
Польшѣ крестьяне вовсе не малороссы, а такіе же поляки, какъ и
помѣщики.

Я конечно промолчалъ, но въ то же время подумалъ: Боже,
какъ мы далеки отъ правильнаго рѣшенія разныхъ общественныхъ
и государственныхъ вопросовъ, если даже выдающіеся наши писа-
тели такъ мало знакомы съ реальными условіями!

Салтыковъ просилъ меня почаще присылать ему переводы съ
польскаго, и на этомъ мы пока расстались,

Я продолжалъ слѣдить внимательно за польской беллетристикой
и часто давалъ „Отечественнымъ Запискамъ“ рассказы разныхъ
авторовъ. Такъ я познакомилъ впервые русскихъ читателей,
кромѣ Сенкевича, съ Оржешко и Гловацкимъ (Прусомъ), имена
которыхъ, особенно первыхъ двухъ, сдѣлались въ Россіи попу-
лярными. вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе журналы стали усердно пере-
водить польскихъ авторовъ, и моя цѣль была достигнута: наше
общество стало знакомиться съ реальною польскою жизнью.

До какой степени Салтыковъ заинтересовался польскою литературою, показываетъ фактъ, что онъ постоянно самъ или черезъ Михайловскаго напоминалъ мнѣ, что я давно уже ничего не давалъ и что пора бы опять что-нибудь прислать. Разъ какъ-то я взялъ авансъ рублей въ 100, и Салтыковъ въ письмѣ мнѣ о немъ напомнилъ. Я тотчасъ же явился къ нему, чтобы расплатиться, но Салтыковъ мнѣ съ досадою сказалъ:

— Не видалъ я что-ли вашихъ денегъ! Мнѣ рассказъ нуженъ.

Оржешко была видимо польщена, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появлялись ея рассказы (я перевелъ „Могучаго Самсона“, „Милорда“, „Сильфиду“ и др.) и обратилась съ благодарственнымъ письмомъ къ Салтыкову. Онъ просилъ меня поскорѣе перевести ему это письмо, чтобы немедленно на него отвѣтить, и видимо былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Не знаю, сохранились ли письма Оржешко и отвѣтъ Салтыкова на него. Было бы жаль, если бы они пропали.

Во всякомъ случаѣ Салтыковъ очень внимательно отнесся къ польской литературѣ. Изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ я убѣдился, что онъ вполне оцѣнилъ мою мысль и старался ее осуществить, насколько можно было безъ ущерба для другихъ отдѣловъ журнала. Составить себѣ ясное понятіе о симпатіяхъ и намѣреніяхъ Салтыкова было нетрудно, потому что онъ былъ удивительно искренній человекъ по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ съ своей стороны признавалъ искренними. Его же отношеніе къ сотрудникамъ было просто образцовое. За первый, доставленный мною рассказъ, я былъ рассчитанъ по 25 р. за листъ. Плата эта по тогдашнему времени была недурная. Но вскорѣ меня въ конторѣ начали рассчитывать по 30 р., а черезъ мѣсяцъ или два вышло распоряженіе Салтыкова, чтобы меня рассчитывали по 35 р. И эти распоряженія послѣдовали *prograsso motu*, безъ тѣни намека съ моей стороны, даже безъ сознаннымъ мною желанія, такъ какъ я первоначальной платой былъ доволенъ, дорожа меньше заработкомъ, чѣмъ цѣлью, которой я задался.

Помню, я какъ-то долго не былъ у Салтыкова и зашелъ къ нему передъ самымъ лѣтомъ. Свертываю съ Невскаго на Литейный и вижу, у подъѣзда стоитъ коляска, и въ нее усаживается Салтыковъ, окруженный саками и плѣдами, т. е. видимо собираясь въ дальній путь или по меньшей мѣрѣ на дачу. Онъ мнѣ привѣтливо улыбнулся.

— Опоздали, батюшка, опоздали, — привѣтствовалъ онъ меня издали:—только смотрите, присылайте: мнѣ перешлютъ.

И, протягивая мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Спасибо, спасибо за все.

Столько было добраго чувства въ этихъ словахъ, что я невольно задумался надъ вопросомъ, за что собственно онъ меня благодарить, и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ оглянулся и низко наклонилъ голову въ знакъ прощальнаго привѣта. Я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ нимъ, какъ у входа въ квартиру Елисѣева меня ошеломилъ потокъ его ругательствъ, подумалъ, какъ иногда наружность бываетъ обманчива, и спросилъ себя, если онъ меня, бывшего для „Отечественныхъ Записокъ“ рядовымъ и кратковременнымъ сотрудникомъ, такъ благодарить, то каковы его чувства по отношенію къ тѣмъ сотрудникамъ, которые серьезно поработали для этого журнала.

Впрочемъ, онъ, кажется, умѣлъ и сердиться не только на словахъ. Разъ—какъ-то я въ бесѣдѣ съ нимъ упомянулъ о Терпигоревѣ (это было тогда, когда тотъ уже работалъ въ „Новомъ Времени“).

Не успѣлъ я его назвать, какъ Салтыковъ выпалилъ:

— Слушайте, батюшка, я знавалъ въ жизни много негодяевъ и мерзавцевъ, но прохвостовъ только трехъ.

И онъ назвалъ Терпигорева и двухъ другихъ журналистовъ.

Я нисколько не сомнѣвался, что Терпигоревъ не былъ способенъ на поступокъ, который оправдывалъ бы столь сильное выраженіе. Поэтому я отвѣтилъ только улыбкой.

— Вы не вѣрите,—накинулся онъ на меня.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ онъ—прохвость.

Я заговорилъ о другомъ, потому что зналъ причину гнѣва Салтыкова: онъ очень горячо рекомендовалъ Терпигорева Стасюлевичу для его „Порядка“, а Терпигоревъ взялъ и перешелъ въ газету, враждебную „Порядку“, въ „Новое Время“. И въ то же время я спросилъ себя тогда, какъ спрашиваю и теперь,—откуда у Салтыкова взялась эта, по меньшей мѣрѣ странная, привычка уснащать свою рѣчь грубыми ругательствами. Какъ извѣстно, ни воспитаніе (лицейское), ни служебная карьера (онъ дослужился до вице-губернатора), ни общество, въ которомъ онъ вращался, не могли развитъ въ немъ этой привычки. Она остается для меня загадочнымъ фактомъ, который, понятно, не можетъ ни на волосъ уменьшить чувство глубокаго уваженія, которое внушилъ мнѣ Салтыковъ, какъ человѣкъ и какъ редакторъ. Вотъ уже скоро четверть вѣка, какъ его на свѣтѣ нѣтъ; сколько людей я встрѣчалъ съ тѣхъ поръ, а онъ словно живой стоитъ въ моей благодарной памяти, — благодарной за то, что, встрѣчаясь съ нимъ, я проникался увѣренностью, что въ человѣческихъ отношеніяхъ можетъ быть и доброжелательство, и правдивость. Вѣдь ихъ пока такъ мало на свѣтѣ.

П. А. Гайдебуровъ.

Съ Гайдебуровымъ, извѣстнымъ издателемъ „Недѣли“, я поддерживалъ сношенія преимущественно въ 80-хъ годахъ, когда я сотрудничалъ, хотя и изрѣдка, въ этомъ журналѣ, занимавшемъ особое мѣсто въ либеральной журналистикѣ того времени. Определить это мѣсто, я думаю, затруднился бы и самъ издатель. Онъ вѣчно чего-то искалъ, по временамъ ему казалось, что онъ нашелъ искомое, но потомъ постоянно оказывалось, что это то да не то. Такъ въ вѣчныхъ поискахъ прошла вся его издательская дѣятельность, и если онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, то только потому, что въ обществѣ существовала потребность въ изданіи, которое стояло бы въ сторонѣ отъ либеральныхъ и консервативныхъ трафаретовъ. Но читатель не зналъ, чѣмъ ихъ замѣнить; Гайдебуровъ тоже этого не зналъ; оба понимали только, что надо нѣчто другое, и на этомъ сходились, поддерживаемые тѣми писателями, которые тоже искали новыхъ путей. Изъ умершихъ писателей этой категоріи назову хотя бы Юзова, Вл. Соловьева, Кигна (Дѣдлова).

Моя литературная дѣятельность была тогда почти безъ остатка поглощена другимъ изданіемъ, такъ что я въ „Недѣлѣ“ могъ участвовать лишь урывками, помѣщая небольшія статьи по финляндскому, польскому или общимъ вопросамъ. Впрочемъ, и одна моя большая вещь была помѣщена въ „Недѣлѣ“, именно моя первая повѣсть „Дѣвичьи Сны“. Вообще я не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія ко мнѣ Гайдебурова, но тѣмъ не менѣе я по указанной причинѣ былъ только случайнымъ гостемъ въ его журналѣ.

Можетъ быть, я и принялъ бы въ немъ болѣе дѣятельное участіе, если бы многое въ самой личности Гайдебурова этому не помѣшало. Проложить общественному сознанію новый путь — дѣло, требующее времени, а Гайдебуровъ ждать не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ. „Недѣля“ даже въ апогеѣ своей славы имѣла сравнительно лишь скромный успѣхъ, а въ началѣ держалась, лишь благодаря осторожности и бережливости ея издателя. Гайдебуровъ не былъ широкой натурой, склонной къ смѣлой предприимчивости и способной на рискованныя жертвы. Онъ шелъ медленно и осторожно, выжидая частичнаго успѣха. Такіе люди охотно прислушиваются къ тому, что вокругъ нихъ говорятъ, особенно, когда они, какъ Гайдебуровъ, и въ идейномъ отношеніи несостоятельны. Онъ искалъ новаго пути, но дорожилъ старыми силами. Какъ онъ ухаживалъ за писателями, пользовавшимися успѣхомъ, и какъ онъ ихъ

дискредитировалъ, когда они не соглашались сотрудничать у него за скромный гонораръ! Зато, если популярный писатель на это соглашался или только подавалъ надежду, что согласится, то могъ рассчитывать на горячую поддержку со стороны „Недѣли“.

Эта погоня за знаменитыми или популярными писателями въ связи съ идейною неустойчивостью и недостаткомъ смѣлой предпріимчивости, эта осторожность, денежная и всякая иная, лишали Гайдебурова способности быть реформаторомъ, и успѣхъ его, повторяю, только доказываетъ, что уже въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка часть русскаго общества чувствовала потребность отрѣшиться отъ установленныхъ консервативнаго и либеральнаго кодексовъ. Потребность эта была вызвана событіемъ 1-го марта, такъ наглядно выяснившимъ, что вѣчныя колебанія между консерватизмомъ и либерализмомъ къ добру не приводятъ.

Въ 1892 г. я прочелъ въ тогдашнемъ „Русскомъ Литературномъ Обществѣ“ докладъ о современной русской беллетристикѣ, въ которомъ доказывалъ, что она гораздо вѣрнѣе критики одѣниваетъ истинныя потребности, чаянія и надежды русскаго общества. Въ числѣ слушателей моихъ былъ и Гайдебуровъ. Когда я кончилъ, онъ первый сталъ мнѣ возражать. Видимо онъ не соглашался съ моими соображеніями, горячился, не находя вѣскихъ доводовъ, наконецъ, какъ-то безсильно поникъ головой, повторяя: „Вы меня не убѣдили, — новый путь еще не найденъ“. Мнѣ стало жаль бѣднаго Павла Александровича: онъ исповѣдывался въ трагедіи своей жизни.

Тогда онъ впрочемъ былъ уже больной и слабый человекъ. Передъ тѣмъ онъ побывалъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, совершилъ восхожденіе на Эйфелеву башню, но когда хотѣлъ тамъ расписаться въ книгѣ для посѣтителей, то вдругъ оказалось, что онъ писать не можетъ: у него въ рукѣ сдѣлалась судорога. „Что должны были подумать обо мнѣ французы? — рассказывалъ онъ шутя: — Русскій редакторъ... писать не умѣетъ“.

Онъ задумалъ побороть надвигавшіеся старческіе недуги входившей тогда въ моду ѣздой на велосипедѣ. Она-то, кажется, и ускорила его смерть.

А. О. Марксъ.

Рассказываютъ, что когда Марксъ и Гоппе были еще приказчиками въ книжномъ магазинѣ, они, сидя за бутылкой пива, хвастались другъ передъ другомъ. „Я создамъ русскую „Illustrirte Zeitung“, —

говорилъ Гоппе, Марксъ ему немедленно отвѣтилъ: „А я создамъ русскую „Gartenlaube“.

Не знаю, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ (какъ-то не пришлось спросить объ этомъ Адольфа Ѳедоровича, хотя я и работалъ съ нимъ десять лѣтъ), но онъ очень характеренъ. Мало ли похваляются люди за стаканомъ пива или вина, но отъ словъ до дѣла, особенно такого крупнаго дѣла, какъ созданіе „Нивы“—дистанція огромныхъ размѣровъ, а Марксъ эту дистанцію прошелъ такъ побѣдоносно, что „Нива“ все еще процвѣтала, когда ея прототипъ, нѣмецкая „Gartenlaube“ уже захирѣла.

Зачѣмъ однако понадобилось Марксу создать русскую „Gartenlaube“? Было ли это своего рода честолюбіе или жажда наживы? Хотя я познакомился и подружился съ Марксомъ уже на склонѣ его лѣтъ, я думаю, однако, что не ошибусь, сказавъ, что и честолюбія, и подавно любостязанія въ немъ было очень мало; зато рабочая сила, рабочая энергія у него была поразительная.

Я засталъ его уже 57-лѣтнимъ старикомъ, — и что онъ въ мое время только не продѣлывалъ! Онъ чуть ли не первый былъ въ конторѣ, чуть ли не послѣдній уходилъ изъ нея, проводя въ ней 9, 10, иногда 11 часовъ. Одно дѣло смѣнялось другимъ; разные планы роились у него въ головѣ; полученные деньги должны были немедленно быть пущены въ оборотъ; такъ, покупались усовершенствованныя машины, воздвигалось центральное зданіе для всѣхъ учрежденій: типографіи, цинкографіи, переплетной и т. д.; перенималось тотчасъ же все новое, полезное; создавалось картографическое заведеніе. И только-что одно дѣло было налажено, немедленно возникалъ новый планъ, иногда рассчитанный на много лѣтъ впередъ. Я въ душѣ недоумѣвалъ, какъ почти 60-лѣтній старикъ можетъ съ любовью, нѣтъ, съ воодушевленіемъ работать надъ задуманнымъ новымъ дѣломъ, которое разовьется, дастъ плоды черезъ много лѣтъ. Когда я присматривался къ его дѣятельности, мнѣ все казалось, что онъ проживетъ еще долго, долго: иначе не могло быть этого спокойствія, этой увѣренности, этой жизнерадостности. Разъ (за два года до смерти) съ нимъ случился обморокъ: шелъ онъ изъ конторы и вдругъ на лѣстницѣ упалъ. На другой день онъ опять такъ же бодро работалъ, повидимому, даже не задумавшись надъ полученнымъ имъ предостереженіемъ.

Этой-то рабочей энергіи онъ и обязанъ всѣмъ, что создалъ, а создалъ онъ большое дѣло,—большое не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ и многочисленности издательскихъ учрежденій, но и въ смыслѣ идейномъ, т. е. въ смыслѣ созданія журнала, который нашелъ себѣ доступъ въ такія сферы, гдѣ прежде журналовъ не

читали, и особенно въ смыслѣ распространенія выдающихся нашихъ писателей въ количествѣ экземпляровъ, о которомъ они и мечтать не могли. Въ рукахъ Маркса тиражи въ тысячу экземпляровъ превращались въ десятки тысячъ, а десятки тысячъ въ сотни тысячъ, и если принять во вниманіе, что такое распространеніе онъ далъ и Гоголю, и Тургеневу, и Достоевскому, и Ал. Толстому, и Лѣскову и Писемскому, и Гаршину, и Чехову, не говоря о другихъ писателяхъ, которыхъ насчитывается очень много, то придется безъ преувеличенія сказать, что Марксъ передъ лицомъ русской литературы и русскаго просвѣщенія очень заслуженный человѣкъ.

Впрочемъ, я здѣсь не хочу дать характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Я хочу только рассказать о моихъ столкновеніяхъ съ нимъ.

Вручаетъ мнѣ, скажемъ, Адольфъ Ѳедоровичъ рукопись извѣстнаго писателя съ просьбою просмотрѣть, ее, если возможно, поскорѣе. А нужно замѣтить, что я рукописей никогда не задерживалъ. Спросишь, почему требуется спѣшка. Да видите ли,—отвѣтитъ Марксъ:—авторъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ по секрету, что дня черезъ три ему надо платить по векселю.

— Значитъ, пригналъ окончаніе литературнаго произведенія какъ разъ къ сроку векселя. Странно!

Или, въ другой разъ онъ мнѣ сообщаетъ, что извѣстная писательница, жена очень богатаго человѣка, сильно нуждается въ деньгахъ, чтобы экипировать своего сына, поступающаго на военную службу, и поэтому предлагаетъ рукопись.

— И вы этой баснѣ вѣрите, Адольфъ Ѳедоровичъ?

— Надо вѣрить,—отвѣтитъ тотъ улыбаясь.

— Но вѣдь такъ вы играете въ руку нахаламъ. Развѣ можно ставить судьбу литературнаго произведенія въ зависимость отъ того, есть ли на меня срочный вексель или нужно ли мнѣ экипировать сына? Какое дѣло „Нивѣ“ до этого?

— Не у всякаго нахала большое имя,—возразитъ спокойно Марксъ.

Вообще дѣло у него стояло на первомъ планѣ. Угодничествомъ, лестью трудно было его подкупить, какъ и нельзя было повліять на него сплетнями. Вы могли ему угождать, сколько силъ хватить, но если вы дѣлу не были полезны, онъ старался васъ сплавить. Быть можетъ, въ этой способности отличать людей, умѣющихъ только болтать и угождать, отъ истинныхъ работниковъ и заключался одинъ изъ главныхъ секретовъ достигнутаго имъ успѣха, такъ какъ предпріятіе, руководитель котораго видитъ и чувствуетъ себя больше, чѣмъ *дѣло*, всегда рано или поздно прогоритъ.

Марксъ могъ годами поддерживать сношенія съ нравственно не-

состоятельнымъ человѣкомъ, если тотъ былъ чѣмъ-нибудь полезенъ дѣлу. Это не значило, что онъ близко его подпускалъ къ себѣ, но онъ дѣлалъ видъ, что не чуждается его, былъ съ нимъ любезенъ, и тотъ часто не догадывался, что между нимъ и Марксомъ—пропасть. Я иногда убѣждалъ Маркса, что такъ нельзя: вѣдь дурной человѣкъ при малѣйшей оплошности можетъ подвести.

Марксъ добродушно улыбался.

— „Нива“, ничего себѣ, идетъ,—отвѣчалъ онъ:—а если бы я хотѣлъ имѣть дѣло только съ честными людьми (вы думаете, ихъ много?), то вѣроятно ея давно уже бы не было.

— А все-таки мошенникъ можетъ васъ подвести!—настаивалъ я.

— Не подведетъ, если у меня глаза есть, а если подведетъ,—кто будетъ виновать? Онъ? Нѣтъ, я.

Разъ какъ-то (мы были одни) онъ, несмотря на все свое нерасположеніе отзываться о людяхъ дурно, даже когда они этого вполне заслуживали, не утерпѣлъ и долго честилъ одного очень популярнаго общественнаго дѣятеля, котораго я лично, какъ человѣка, ставилъ также невысоко. Онъ такъ погорячился, и это было ему такъ несвойственно, что я съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ:

— Да что же онъ вамъ собственно сдѣлалъ?

Оказалось, что онъ вторично потребовалъ гонораръ за окончательно проданную и щедро оплаченную вещь.

— Да что это васъ такъ возмущаетъ, Адольфъ Федоровичъ?—спросилъ я.—Развѣ это первый случай въ вашей практикѣ?

— Первый случай?! Но подумайте, кто это сдѣлалъ? Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ дѣятелей, человѣкъ, передъ которымъ всѣ благоговѣютъ.

— Но, надѣюсь, вы ему вторичнаго гонорара не дадите?

Марксъ на одну секунду задумался.

— Дамъ,—отвѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь, и голосъ его какъ-то странно дрогнулъ.—Дамъ, говорю вамъ, дамъ. Ему повѣрять, мнѣ не повѣрять, и потомъ... онъ можетъ еще для дѣла пригодиться. Но я ему теперь цѣну знаю.

Послѣднія слова отъ произнесъ очень твердо, такъ что для меня стало ясно, что между нимъ, Марксомъ, и всѣми уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ образовалась пропасть, которую ничто уже не наполнить. Какъ человѣкъ, этотъ дѣятель пересталъ для него существовать: онъ могъ служить только той или другой фигурой на его шахматной доскѣ.

Такихъ столкновеній у меня было съ Марксомъ не мало, и я сталъ подъ конецъ замѣчать, что, когда ему приходилось потворствовать неумѣреннымъ аппетитамъ сотрудниковъ, онъ отъ меня это скры-

валь: онъ изъ деликатности скрывалъ отъ меня продѣлки моихъ товарищей, другихъ писателей, чтобы меня не огорчать.

Разскажу здѣсь еще о моемъ послѣднемъ столкновеніи съ Марксомъ.

Послѣ 33-лѣтней усиленной литературной дѣятельности здоровье мое расшаталось въ 1904 г. настолько, что я при лучшемъ желаніи не могъ продолжать редактировать „Ниву“ и долженъ былъ уѣхать за границу, чтобы подлечиться для другой менѣ утомительной дѣятельности. Для меня было ясно, что къ редакторскому труду я вслѣдствіе сильно расшатааннаго здоровья уже никогда не вернусь. Но Марксъ вѣрилъ въ крѣпость моей природы и смотрѣлъ на мой отъѣздъ, лишь какъ на болѣе продолжительный отпускъ. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать его трогательную для меня заботливость о томъ, чтобы я время моего отпуска провелъ беззаботно и спокойно. Онъ потребовалъ даже, чтобы я оставилъ ему одному мой адресъ,—не то беспокоить будутъ.

Наконецъ канунъ отъѣзда насталъ. Я долго бесѣдовалъ съ Марксомъ о дѣлахъ. Главное было улажено,—оставались только мелочи. Но я зналъ, что онъ обыкновенно не упускаетъ изъ виду даже малѣйшей подробности, и поэтому былъ удивленъ, что онъ слушаетъ меня какъ-бы разсѣянно. Вдругъ онъ меня на чемъ-то прерываетъ и говорить:

— Все это хорошо, Ростиславъ Ивановичъ, но зачѣмъ вы уѣзжаете!

Меня эти слова поразили не потому, что въ нихъ было много добраго чувства ко мнѣ, а потому, что они звучали слишкомъ печально, какъ слова человѣка, для котораго съ моимъ отъѣздомъ было больше связано, чѣмъ могло быть для Маркса. Его печалила очевидно не разлука съ привычнымъ ему редакторомъ, а нѣчто большее, чего я въ данную минуту не понималъ. Къ сожалѣнію, я истолковалъ его печаль слишкомъ эгоистично, сказавъ себѣ: „Однако я не думалъ, что онъ меня такъ любить“, простился съ нимъ и уѣхалъ.

Только дней черезъ десять, уже будучи въ Ниццѣ, я узналъ, что въ день моего отъѣзда его, повидимому, еще полного силъ томило предчувствіе близкой смерти. Онъ умеръ черезъ день послѣ моего отъѣзда, въ хлопотахъ о доставленіи нашимъ раненымъ въ Манджуріи рождественскихъ подарковъ. Думая о себѣ, а не объ этомъ безконечно-добрѣмъ человѣкѣ, я, уѣзжая въ близкій путь, не могъ дожидаться двухъ дней, чтобы провести послѣдніе часы съ нимъ, уѣзжавшимъ въ тотъ далекій путь, откуда возврата нѣтъ.

Р. Сементковскій.

